

П о л и т о л о г и я

М.К. Арчаков

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

The article is devoted to psychological problems of extremist activity. The analysis made in the current research enables to prove the hypothesis about conflict-based nature of extremist activity connected with certain peculiarities of extremist organizations and groups participants.

В последние десятилетия экстремистские и террористические акты стали суровой реальностью для нашей страны. В то же время экстремистская деятельность не является феноменом, присущим лишь современному этапу развития человечества. Возникнув в глубокой древности, она в наше время наблюдается во всех сферах жизни общества. Вследствие этого проявления экстремизма многогранны, как многогранна и сама деятельность человека.

Согласно Толковому словарю русского языка: «Деятельность – занятия, труд. Работа каких-нибудь органов, а также сил природы» [5, с. 159]. Иными словами, деятельность – это способ существования человека, имеющий осознаваемую цель. То есть человек оценивает свою деятельность по степени совершенства ее исполнения, сравнивая свои действия и результаты с тем, что должно быть в «идеале». Следовательно, человек в любом виде деятельности стремится к определенному совершенству и это «совершенство» всегда осмысливается как некий идеал, желаемый результат.

Кроме определенной для себя цели, мотива, деятельность человека подчиняется еще и нормам и правилам, установленных обществом. Вместе с тем эти нормы и правила человек может принимать или не принимать, может их соблюдать или отступать от них. Таким образом, с помощью деятельности человек может стремиться разрушить установленные обществом правила и нормы, а взамен попытаться ввести свои, своей социальной группы, партии и т.д. Причем для преодоления устоявшегося общественного порядка он способен использовать насильственные способы борьбы (политические убийства, захват заложников, диверсии и др.). Такую деятельность можно назвать деструктивной, а можно – экстремистской.

Для понимания специфики экстремистского деяния существенным моментом выступает мотив, т.е. побудительная причина, повод к какому-либо действию. Причем мотив всегда «морально» оправдан субъектом экстремистской деятельности. Отсюда сознательный волюнтаризм, т.е. возведение в абсолют воли субъекта и сведение к нулю необходимости, зависимости деятельности субъекта, ее результатов от объективных законов общественного развития. В истории революционного движения волюнтаристами были народники, эсеры, сегодня таковыми являются различного рода ультралевые, анархистские движения на Западе и в России. В качестве примера можно обратиться к рассуждениям С.Г. Нечаева в его «Катехизисе революционера»: «Революционер живет в обществе лишь для того, чтобы его вернее разрушить. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, – всё и все должны быть ему равно ненавистны. Наше дело – страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» [4, с. 121]. Именно субъективная оценка происходящих событий,

стремление подменить объективные законы развития революционной политической волей отмечают деятельность «правых» и «левых» экстремистов в современном мире.

Не менее важно для постижения психологических особенностей экстремизма – понятие «агрессия», которое трактуется как «открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [5, с. 16]. В обыденном языке слово «агрессия» означает множество разнообразных действий, которые нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), наносят ему материальный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений или же ведут к его уничтожению. Такого рода антисоциальный оттенок заставляет относить к одной и той же категории столь различные явления как детская ссора и войны, упреки и убийства, наказание и бандитское нападение.

Следовательно, агрессия – реакция враждебности на созданную другими фрустрацию (препятствие на пути к цели, ущерб интересам субъекта) независимо от того, была ли эта фрустрация обусловлена враждебными намерениями или нет. В то же время возможны и такие случаи агрессии, которые не являются реакцией на фрустрацию, а возникают «самопроизвольно», из желания воспрепятствовать, навредить кому-либо, обойтись с кем-то несправедливо, кого-нибудь оскорбить. В силу этого понятие агрессии применимо к оценке всего спектра человеческих отношений – борьбы государств, народов и существенного аспекта межличностных отношений.

Оценивая проявления человеческой агрессивности, Э. Фромм отмечал: «Я употребляю слово «агрессия» в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу, и в конечном счете пришел к понятию доброкачественной агрессии. А специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать я выделяю в особую группу и называю словами «деструктивность» и «жестокость» [6, с. 18].

Агрессия как социальный феномен, будь то «доброкачественная» или «злокачественная», сопровождает человечество и в современную эпоху. Да и одно без другого практически не существует и существовать не может, поскольку ответом на проявления враждебности, нападения («злокачественная агрессия») выступает самооборона – ответная реакция на проявленную враждебность («доброкачественная агрессия»).

Естественно, любая «злокачественная агрессия» вызывается целым комплексом причин – биологических, психологических, экономических, политических и т.д. Такая агрессия всегда связана с открытым проявлением враждебности, неприязни. Поэтому в основе экстремистской деятельности изначально присутствует агрессивность, т.е. открытая враждебность, неприятие чего-либо, – например, расизм, антисемитизм, кавказофобия и др.

Следовательно, представитель экстремистской организации, террористической группы уже настроен на проявление открытой агрессии против вероятного противника (врага), представителя другой социальной группы, партии, государства и т.д. Хотя агрессивность может проявляться у любого индивида, но у экстремистов есть некая «запрограммированность» на проявление агрессии в форме умышленного причинения вреда окружающим. Эта «запрограммированность» на агрессию формируется под влиянием не только каких-либо психологических особенностей личности (нарциссизм, садизм и др.), но и радикальных идей, взглядов, идеологических установок, религиозных учений и т.д.

Любая радикальная идеология или учение (фашизм, национал-социализм, большевизм, исламский фундаментализм и др.) формирует образ врага (люди другой расы, сионисты, масоны, буржуазия, «неверные» и прочие), подлежащего уничтожению через применение насильственных способов борьбы (террор, геноцид, репрессии и т.д.). Отсюда любая радикальная идеология содержит «скрытую» агрессию, которая через ультрарадикальную (экстремистскую) деятельность принимает характер «открытой» деструктивности или жестокости. Таким образом, проявление

«открытой» агрессии (деструктивности) составляет важную психологическую особенность экстремистской деятельности, это один из наиболее существенных ее признаков.

Члены экстремистских и террористических групп характеризуются высоким уровнем невротизма и агрессии. Им также свойственно стремление к поиску острых ощущений – обычная жизнь кажется им скучной, пресной и бессмысленной. Они, как правило, дезадаптированы, не приняты обществом и склонны создавать свои контркультуры. В большинстве своем это люди, которых преследуют неудачи в получении образования, трудоустройстве, карьере, сложности в коллективе, в отношениях с противоположным полом и т.п. Поэтому во многом именно участие в экстремистских или террористических организациях позволяет им компенсировать эти неудачи, т.е. удовлетворить чувство идентичности и принадлежности к определенной группе.

В таких группах люди чувствуют высокую степень принятия себя окружающими. Эти группы замкнуты, и вхождение в них означает признание права на тотальный контроль за своей жизнью, в том числе и за личной. Для обычного человека подобный контроль был бы жертвой, на которую трудно пойти, но для аутсайдера, которого никто нигде никогда не принимал, все это оказывается скорее плюсом, чем минусом. Поэтому у таких людей появляется смысл жизни – освобождение Родины либо торжество своей идеологии или религии. К ним приковано внимание мировой общественности, у них уже не возникает сомнений в собственной значимости, избранности, причастности к судьбе. Поэтому важным мотивом обращения к экстремизму является потребность принадлежности к группе, которая становится мощным механизмом духовной, ценностной, поведенческой стереотипизации.

Внутренняя организация и законы функционирования экстремистских (террористических) групп в максимальной степени способствуют адаптации в них вчерашних аутсайдера. Крайний авторитаризм, беспрекословное подчинение руководителю, полный контроль всех аспектов жизни членов группы сочетаются с подчеркнутой гуманностью в отношениях друг к другу, с готовностью помочь, с полным и безусловным принятием каждого. Стратегия действия обсуждается всегда коллективно, каждый имеет возможность ощущать себя соавтором великих планов. Как правило, в террористических группах существует культ погибших товарищей. Каждый террорист знает, что если он погибнет, к его памяти, к его имени будут относиться так же бережно. Конечно, все эти моменты были бы недостаточными для того, чтобы привлечь сбалансированного и достаточно успешного человека, а уж тем более – заставить его отказаться от усвоенных с детства норм уважения человеческой жизни. Для человека же глубоко одинокого и неадаптированного террористическая группа может оказаться идеальным местом [3, с. 313-314].

Участники террористических и экстремистских групп, как замечает Ю.М. Антонян, испытывают «болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности» [1, с. 73]. Эту черту можно наблюдать у многих представителей экстремистских организаций – как у лидеров, так и у рядовых членов, которые, как правило, убеждены в своих выдающихся способностях, совершенстве, в высоких личных качествах, превосходстве над другими, поскольку являются членами единственно «правильной» организации, отстаивающей единственно «правильные» взгляды и ценности.

Большую опасность для общества представляет групповой нарциссизм, о чем писали многие исследователи, в частности Э. Фромм. В этом случае человек преисполняется гордостью лишь по той причине, что принадлежит к «избранной» расе, нации, религиозной или политической организации и т.д. Соответственно, ценности и установки данной общности, группы или организации становятся основой его социального бытия. Таким образом, при нарциссических

установках люди воспринимают окружающий мир в черно-белых тонах, а все причины своих неудач и промахов видят только в искусственно созданных образах многочисленных врагов.

Большинству экстремистов присущи предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, а также фанатизм, порожденный максималистскими идеями «спасения» своей нации, расы, религиозной группы и полного уничтожения всех ненавистных врагов. Экстремистам свойственна крепкая вера в обладание абсолютной и окончательной истиной, отсюда – убежденность в своей миссии по спасению Родины, расы, нации, религии и т.п. Эта убежденность может основываться на определенных идеологических постулатах, религиозных установках, вере в незыблемость традиций, а может быть чисто эмоциональной или корыстной. Это, кстати, и отличает истинных экстремистов от случайных, неосведомленных людей, а также наемников, участвующих в экстремистских сообществах именно из материальных, корыстных побуждений.

Для оценки психологических особенностей экстремистской деятельности важно понимать проблему соотношения жизни и смерти, или, используя язык Э. Фромма, «злокачественной агрессии: некрофилии». По мнению Э. Фромма: «Развитие некрофилии происходит как следствие психической болезни (инвалидности), но корни этой болезни произрастают из глубинных пластов человеческого бытия (из экзистенциальной ситуации). Если человек не может творить и не способен «пробудить» кого-нибудь к жизни, если он не может вырваться из оков своего нарциссизма и постоянно ощущает свою изолированность и никчемность, единственный способ заглушить это невыносимое чувство ничтожества и какой-то «витальной импотенции» – самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения жизни. Для совершения акта вандализма не требуется ни особого старания, ни ума, ни терпения; все, что нужно разрушителю, – это крепкие мускулы, нож или револьвер...» [6, с. 478].

Психолого-психиатрические особенности личности экстремиста во многом определяются тем, как он соприкасается со смертью (участие или неучастие в террористических актах, убийствах, геноциде, партизанской войне и т.д.), что, несомненно, влияет на его психику и поступки. Его личностная специфика состоит в том, что он стремится к смерти. Причем участник экстремистского сообщества начинает соответствовать ей, разрушая последние преграды, отделяющие его от смерти, позволяя ей как бы непосредственно оказывать воздействие на себя. По всем психологическим особенностям, личностным характеристикам – это экстремист-некрофил, который не защищен от смерти задачей выживания, чаще всего он и не ставит ее перед собой. По мнению Ю.М. Антоняна: «Раз, приблизившись к смерти, такой человек начинает приобретать опыт, который либо осознается и становится основой внутреннего развития, либо не осознается и на уровне личностного смысла определяет поведение, в том числе через потребность вновь и вновь испытать дрожь соприкосновения с тем, что находится за гранью. Наркотическая атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, не обязательно террористических, например, при участии в военных конфликтах» [1, с. 77].

Нередко о близости смерти может напоминать соответствующая атрибутика экстремистских организаций, носящая подчеркнуто некрофильский характер. Например, известный лозунг-приветствие национал-большевиков Э. Лимонова «Да, смерть!» или стилизованная черная униформа боевиков РНЕ как напоминание о «призрении к смерти», различные варианты «адамовой головы» (череп и скрещенные кости) как атрибуты всевозможных скинхедгрупп, объединений НС-язычников и т.п.

Экстремисты, которые видят в смерти единственный путь решения различных проблем, как правило, не испытывают страха перед своей возможной гибелью. Многие из них не боятся

смерти или не осознают ее для себя, а перспектива длительного тюремного заключения обычно не рассматривается ими, они не задумываются о ней. Только после вынесения приговора экстремисты начинают осознавать, что значительную часть или всю жизнь им предстоит провести в местах лишения свободы. Поэтому осознание содеянного, личные страдания, связанные с отбытием предстоящего наказания, начинаются для многих именно с этого момента.

На наш взгляд, справедливо утверждение Ю.М. Антоняна: «Личности террориста присущи глубокие психологические нарушения по типу параноидных или нарциссических, сформировавшиеся на ранних стадиях развития в результате нарушенных детско-родительских отношений. Это делает индивида в дальнейшем восприимчивым к ксенофобии и националистическим идеям, позволяет легко актуализироваться архетипам «чужого» и «врага» и запускает деструктивное и аутодеструктивное поведение» [1, с. 185].

В целом, как отмечает В.Л. Васильев: «Для личности террориста характерно негативное мироощущение, которое возникает под воздействием ряда факторов. В первую очередь к ним относится несоответствие образа идеальной модели мира и самого себя в реальной действительности и возможностями самореализации. Это противоречие с идеалом трансформируется в субъективное ощущение личной и социальной неадекватности, в результате для личности террориста характерна позиция «Я хороший, мир плохой», которая становится средством моральной самозащиты, позволяющей оправдать любые деструктивные действия» [2, с. 34].

В то же время любая экстремистская группа пытается обосновать свой вариант «спасения» мира какой-нибудь социально-философской концепцией. Хотя данные концепции, как правило, мало оригинальны и представляют собой различные варианты марксистских теорий, идеи современного анархизма, фашизма, национал-социализма, религиозного фундаментализма и др. По мнению Б.Г. Чуркова: «Из разнообразных источников экстремисты заимствуют и доводят до крайних пределов одну общую черту – мифологизацию социальной действительности. В результате социальная реальность приобретает искаженные, фантастические очертания. Фанатизм мифической «единственной истины» необходимо ведет к мифологизации действительности» [7, с. 48].

Идейный абсолютизм экстремистской социальной философии, неприятие всякого инакомыслия обуславливают дихотомический взгляд на мир, который оказывается разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, представляет жесткое противостояние носителей «высшей правды» и тех, кто препятствует ее осуществлению, не признает ее или равнодушен к ней. Между полюсами «света» и «тьмы» фактически ничего нет, так как всякий конформизм или нейтралитет – не что иное, как «соучастие». Такое видение общества, убежденность в абсолютном знании, что является в нем злом, а что добром, приводит к мысли о полном уничтожении этого зла, к теории «революции», являющейся основной концепцией экстремизма, – во всяком случае, его политической разновидности.

Таким образом, рассмотренные нами психологические проблемы экстремистской деятельности дают возможность увидеть ее глубоко конфликтогенную природу. Какими бы мотивами ни руководствовались экстремистские организации и группы – их основная цель остается неизменной и состоит в максимальной дестабилизации социально-политического положения, создании различных конфликтных ситуаций, дискредитации органов власти и управления. Только такие ситуации, по мысли идеологов и организаторов экстремистской деятельности, могут вести к разрушению «старого» мира, реализации их революционных проектов, торжеству «абсолютной справедливости и свободы».

-
1. Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. – М., 2008.
 2. Васильев В.Л. Психолого-педагогические проблемы предупреждения терроризма // Материалы международной конференции «Ананьевские чтения». – СПб., 2001.
 3. Гозман Л.Я., Шестопад Е.Б. Политическая психология. – Ростов н/Д., 1996.
 4. Грачев А.С. Политический экстремизм. – М., 1986.
 5. Ожегов С.И., Швецова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. – М., 1995.
 6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
 7. Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – 1993. – № 4.